

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

(Опубликована в журнале: Власть. 2008. №12. С. 8 -10.)

С середины XX века теория управления начинает тесно смыкаться с понятием «политика памяти». Политика памяти стала структурным элементом политической практики благодаря развитию особого раздела социальной психологии и культурной антропологии – теории надындивидуальной памяти (исторической, коллективной, социальной памяти). Теории надындивидуальной памяти опираются на идею конструирования социальных представлений о прошлом. Культурная политика, осуществляемая в нашей стране на региональном уровне, во многом носит инерционный характер: не переопределены её цели, поставленные в советский период истории; не всегда проводится научная экспертиза средств и ресурсов этого вида политики.

Мировой опыт показывает, что современная культурная политика должна разрабатываться с учётом последних достижений наук о культуре. Влияние культурного контекста на политическое и социальное действие сегодня велико, как никогда. Ведь в современном мире политическое управление осуществляется бесструктурно: воздействие на поведение людей осуществляется не через идеологию или политические институты, а через конструирование культурного контекста. Создание, поддержание и деструкция определённых ценностных установок достигается с помощью конструирования среды обитания человека. Одним из измерений среды обитания являются так

называемые «памятные ландшафты». Памятный ландшафт – это набор информационных носителей, формирующих представления о прошлом. Историческое прошлое можно изменять, воздействуя на памятный ландшафт. С целью воздействовать на памятный ландшафт осуществляется демонтаж и установка памятников, проведение массовых культурных мероприятий и фестивалей, открытие новых музеев и новых музейных экспозиций, переписывание текстов учебников и путеводителей, и т.п.

О тесной связи политики и коллективной памяти знали ещё в древности. На концептуальном уровне эта тема начала разрабатываться в XIX веке, в связи с «политизацией» массового исторического образования. Например, во Франции при Наполеоне I все исторические сочинения курировало Министерство внутренних дел и полиции¹. На технологический уровень знания о политике памяти вышли во втор. пол. XX века. Понятие «политика памяти» возникло в постмодернистских теориях языка и власти (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида, М. Фуко). Постмодернисты выдвинули тезис о конструировании властью нужных представлений о прошлом и социально-групповой идентичности². Тогда же стала активно развиваться социология памяти. В СССР накопленные в мировой науке знания об особенностях формирования и функционирования коллективной памяти не были востребованы. Теории памяти замкнулись в рамках эмпирической психологии, которая была сконцентрирована исключительно на изучении индивидуальной психики. Незнание особенностей функционирования коллективной памяти стало одной из причин проигрыша советской элиты в информационной войне конца XX века³. Сегодня в России интерес к проблеме сознательного отношения к политике памяти значительно вырос... но, в основном, среди учёных и представителей рекламного бизнеса. Статусные политические элиты, к сожалению, до сих пор не вполне осознают преимущества и опасности для

¹ Gooch G.P. History and Historians in the Nineteenth Century., London – New-York- Toronto, “Longmans, Green and Co.”, 1928, p. 159.

² Подр. см.: Савельева И. М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2-х тт. Т.1. Конструирование прошлого, СПб, «Наука», 2003, гл. 8.

³ Ср.: Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., «Изд-во ЭКСМО-Пресс», 2002, стр. 327- 557.

системы управления, которые исходят от деятельности субъектов политики памяти. Сегодня такими субъектами являются бизнес-сообщества, а также субкультурные и этнические сообщества. Причиной невнимательности власти к формированию локальных идентичностей, на наш взгляд, стали сформировавшиеся в 1990-е годы представления о том, что идентичность – это единоличное дело индивида и его семьи. Однако данные социальной психологии и культурной антропологии убедительно свидетельствуют, что идентичность только в некоторой степени зависит от желаний и личных усилий индивида. Структура идентичности формируется в процессе коллективных коммуникаций, в управлении которыми ключевую роль играет власть. Формирование коллективных идентичностей всегда было делом трудным, требующим определённых знаний и значительных материальных и организационных ресурсов. Поэтому такая задача не может быть выполнена без участия властных элит, распределяющих эти ресурсы.

Управление коммуникациями, в результате которых складывается и корректируется идентичность граждан, называется «культурной политикой». В зависимости от того, какие уровни идентичности затрагивают те или иные политические действия, культурная политика подразделяется на **федеральную** и **региональную**. Региональная культурная политика – это не только (и не столько) распределение финансовых ресурсов среди театров, музеев и других организаций, – так зачастую это понимается. Управление бюджетами и репертуарами этих учреждений – всего лишь инструмент управления «самочувствием» локальных сообществ. А политическая цель или миссия – это «самочувствие жителей... рост «в собственных глазах» граждан города»¹.

Принципы и субъекты современной региональной культурной политики

¹ Шредер В. Качество жизни как общественно-политическая проблема. «Власть», 2008, №5, стр.7.

Современная культурная политика как целенаправленная и системная деятельность включает в себя три основных момента:

- осознание целей и задач,
- выработку управленческого механизма их реализации
- создание нормативно-правовой базы.

Только в согласованном единстве всех этих элементов, усилия субъектов власти по влиянию на культурные процессы могут претендовать на то, чтобы называться рационально организованной ответственной политической деятельностью. Понятно, что основной задачей при разработке любой культурной политики является определение целей и задач, адекватных наличным историческим условиям. Определение целей и задач культурной политики – задача того же порядка, что и определение целей экономической или внешней политики государства. Сверхцель экономической политики – это повышение ВВП, внешней политики – защита национальных интересов. А что сегодня, хотя бы приблизительно, можно назвать основной целью культурной политики, – и региональной культурной политики, в частности? Ответ далеко не очевиден. Нельзя же сказать, например, что «целью культурной политики является всестороннее развитие культуры региона». Такая формулировка логически бессмысленна и способна только прикрыть отсутствие реальных целей. Дело в том, что неординарные трудности в определении цели культурной политики связаны с тем, что:

- во-первых, требуется очень квалифицированное проникновение в сущность процессов современной культуры. Такая задача может быть выполнена только с помощью привлечения серьёзного научного потенциала. Причём сегодня требуются уже очень серьёзный теоретический уровень знания – знание онтологии и философии культуры.
 - второй уровень сложности связан с тем, что мы живем в переходное время: когда сформированная в «советский период» система
-

представлений о субъектах культуры, целях и способах влияния на культурные процессы (сформированная грамотно для своего времени) продолжает существовать, хотя уже утратила свою актуальность. Поэтому вместо адекватной реалиям современного города системы целей, задач и приоритетов функционирует обрывочный набор абстрактных чиновничьих представлений о культуре и формальный подход к управлению культурными процессами.

Поясним, о чём идет речь. Прежняя, советская система политического управления культурой была теоретически грамотной и практически действенной: под ее воздействием, действительно, был сформирован особый тип культуры, – это так называемая «советская цивилизация». Значение советской цивилизации еще предстоит оценить по достоинству историкам культуры. Хорош был этот тип культуры или нет, но модель управления была какое-то время функциональна и эффективна. Доказательством этого является то, что тот тип культурной среды, в котором мы живем до сих пор, во многом обусловлен инерцией «советского образа жизни».

Однако не нужно переоценивать влияние советского прошлого. Сегодня мы видим структурные изменения политической, экономической и идеологической сфер жизни страны. Как эти изменения отразились на системе политического управления культурой? Прежде всего необходимо отметить, что система лишилась ключевого элемента – сверхцели или миссии. Миссией советской системы управления было построение советского образа жизни, формирование нового типа человека. Этой цели больше нет, но нет и достаточно внятного представления о том, какой тип культуры, какой образ жизни строится. В условиях исчезнувшей цели культурная политика превращается в исчезающую величину.

Произошли изменения и на уровне системы объектов управления, Субъектами культуры, и, соответственно, объектами управления культурной сферой были, во-первых, просветительские учреждения и институты (библиотеки, музеи, общественные лектории, и т.п.); и, во-вторых, учреждения

и институты искусства (театры, музеи, кружки народного творчества, творческие союзы писателей, художников, кинематографистов и т.д.).

Культурная политика понималась как управленческая деятельность по влиянию на репертуар и другую деятельность институтов и учреждений культуры. Целью политики была пропаганда – пропаганда советского образа жизни. В соответствии с этой целью выстраивалась и иерархия субъектов культуры: наверху этой иерархии находились наиболее влиятельные в пропагандистском отношении институты – кино, телевидение, литература, всевозможные школы-лектории. Инструментами влияния были курирование программных документов культурных учреждений и распределение ресурсов, т.е. правовые и финансовые инструменты управления.

И если в части инструментов все осталось (и должно остаться) в том же виде, то в части структуры объектов политического управления система претерпела существенные изменения. Прежде всего, изменился потенциал влияния на культуру субъектов культуры советского периода. Удельный вес влияния на массы таких институтов культуры, как театр, живопись, литература, да и вся художественная культура, существенно снизился, а в тяжело живущей провинции он стремиться к нулю. Потенциал лекториев и музеев упал еще более значительно, библиотеки тоже уменьшили свое влияние на жизнь общества.

Вся высвободившаяся энергия влияния перераспределилась в пользу средств массовой информации и относительно новых субъектов культурных процессов – таких, как шоу-бизнес, рекламные и торговые компании. Торговля сегодня выходит далеко за рамки чисто торговых операций: в этой сфере делаются небезуспешные попытки активно формировать ценности, а значит – осуществлять культурную политику. Эти активные культурные агенты находятся вне сферы воздействия государственных управлений по культуре, а также, зачастую, и вне воздействия на них со стороны других ветвей власти, включая так называемое «гражданское общество». В этих изменившихся условиях культурная политика, осуществляемая Управлениями культуры,

оказывается в подвешенном состоянии. Это происходит по причине отсутствия адекватных средств воздействия. Игнорирование этого обстоятельства способно сделать культурную политику и бесцельной, и бездейственной.

Политика памяти в пространстве современного города

«Память – временная составляющая идентичности, наряду с оценкой настоящего и планированием будущего», – пишет известный французский философ П. Рикёр¹. Важнейшими областями приложения усилий по формированию «политики памяти» являются система массового образования и организация так называемых «мест памяти» (П. Нора) или «памятных ландшафтов» городов. Первая сфера относится в большей степени к федеральному уровню, поэтому в этой статье мы рассмотрим проблему формирования «памятного ландшафта» провинциального российского города.

Каковы тенденции формирования «памятных ландшафтов» современных российских городов? Коллективные идентичности формируются в ситуации приподнятости над уровнем повседневности, торжественности. Но коллективное торжественное действо – как любое интенсивное состояние – требует значительных инвестиций и не может продолжаться долго. Поэтому и необходимо создание памятных ландшафтов, которые аккумулируют и сохраняют память о единящем людей чувстве. Другими словами, памятный ландшафт (или место памяти) – это пространство совместного воспоминания группы (коммеморация). Коммеморация сплачивает локальную группу, давая её членам модель идентичности, приемлемую и для индивида, и для коллектива.

В городе память конструируется посредством создания муниципальными и областными властями соответствующей материальной и информационной среды. В современном мире коллективная память экстерииоризирована. Сегодня

¹ Рикер П. Память, история, забвение. М., «Из-во гуманит. лит-ры», 2004, стр. 119.

общество и власть материализуют память с помощью направленного демонтажа (или установления) памятников; культурных мероприятий и фестивалей; новых музейных экспозиций и новых музеев; переписывания текстов учебников и путеводителей, официальных текстов; и т.д. Если раньше коллективная память горожан была больше связана с личными поступками и речами, исходящими от власти, то теперь основными связующими моментами власти и памяти являются информационные сообщения и визуальные объекты. Как верно подметил П. Хаттон: «Сила памяти сегодня заключается... не в нравственном влиянии, а в её материальных останках»¹.

Условием формирования коллективных идентичностей является организация времени-пространства торжественности и памятного ландшафта для коммемораций. На власти городов возложены функции по организации праздников и созданию архитектурной и информационной среды, способной производить городской образ жизни и обеспечивать общегражданскую идентичность. Именно в городах протекают процессы государственной, национальной, региональной и субкультурной идентификации личности. Современные формы управления городом представляют собой сложный комплекс воздействий, исходящих от различных социальных групп. Сегодня установившийся порядок носит более демократический характер, но он сильно осложняет проведение рациональной и ответственной политики, особенно – в культурной сфере. Так, мы наблюдаем серьезное изменение памятных ландшафтов во всех городах Российской Федерации и стран СНГ. Но если в столицах эти изменения частично опираются на осознанное политическое действие, то в регионах они зачастую принимают хаотичный характер. Региональные элиты, видимо, не вполне осознают опасности и преимущества процесса изменения памятных ландшафтов для горожан¹.

Хаотичность изменений символического пространства российских городов только на первый взгляд кажется безобидным проявлением

¹ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., «Издательство «Владимир Даль», 2003, стр. 353.

переходного периода от командно-директивного метода управления культурными процессами к современным формам управления. Культурные процессы, связанные с формированием идентичности социальных групп и отдельных граждан, имеют стратегический характер в современном мире. Как уже было отмечено, важнейшими элементами символического пространства являются праздники.

В качестве неудачного примера организации праздника разберём празднование 9 мая 2008 года в городе Волгограде. Традиционно в этот день жители миллионного города съезжаются на вечерний салют на Центральную набережную Волги. Долгое время в прошлом в этот день салютовали орудия, установленные на противоположном берегу Волги. Это было грандиозное запоминающееся зрелище. Понятно, что эти мероприятия требовали немалых затрат. В этом году салют был слабым и неубедительным зрелищем, больше напоминавшим простой фейерверк, что полностью обмануло надежды горожан и гостей города, приехавших со всех районов, для того чтобы участвовать в ритуальном действии. Нам интересны не причины, а последствия такого сильного ослабления ритуальной стороны общегородского мероприятия. Люди уходили, не дожидаясь конца жалкого зрелища (по сравнению с предыдущими годами); явно наблюдалось фрустрированное состояние огромных масс людей. Фрустрация возникла вследствие неподтверждённой идентификации 9 мая с чем-то грандиозным. Такая идентификация поддерживалась долгое время городской властью, но в последнее время эта позиция начала меняться. В местной прессе уже долгое время муссируется идея о том, что, якобы, за десятилетия копилась усталость от слишком масштабного монументального искусства и увлечения властей военной тематикой. Рядом авторов утверждается, что «нужно вдохнуть в него (Волгоград – *А.М.*) новые образы, не связанные с идеологией и трагической военной историей»¹. В русле этих идей проводятся праздничные мероприятия и оформление мест памяти. Ещё один

¹ В последнее время, правда, наметилась тенденция на рост осознания представителями властных региональных элит того, что современный город – сложнейшая многоуровневая система различных культурных укладов. См., например: Шредер В. Качество жизни как общественно-политическая проблема. «Власть», 2008. № 5, стр. 3- 8.

урон коллективной идентичности был нанесен оформлением 9 мая главной площади Волгограда – площади Павших борцов, на которой проходят военные парады и демонстрации. Тысячи мельчайших флажков-триколоров были обильно навешаны на металлоконструкции, которые явно стали напоминать либо какую-то пародию на новогоднюю ёлку, либо «буддийское дерево». Кроме того, размещённые здесь же красные флаги были украшены множеством фривольных звёздочек, «ссыпанных» в угол полотнища. Вероятно, дизайнеру это показалось удачным декоративным решением красного флага, но ведь такие флаги должны будить воспоминания о флаге Победы. Это было проигнорировано. По главной городской магистрали вывесили «разложенный на фракции» российский флаг: композиция из трёх маленьких флажков – белого, синего и красного.

Все эти примеры показывают полную некогерентность оформления праздника и образов памяти горожан, связанных с 9 мая. То обстоятельство, что память горожан всё ещё оперирует традиционными символами, было проигнорировано. Попытки полностью переформатировать символическое поле праздника 9 мая по типу развлекательного шоу говорят не только об инертности культурной политики или непонимании механизмов ритуального воздействия на сознание. Мы не исключаем, что сделанные изменения были вызваны благими намерениями: попытками обновления праздничного действия. Упразднение базовых традиционных символов при создании нового качества зрелищности на самом деле способно запустить механизм, альтернативный политике памяти, а именно – политику забвения.

Разрушение ритуальной стороны празднования 9 мая началось ещё в конце 1990-х, когда начали устраивать театрализованные представления: ряженые в немецких и русских солдат люди передвигаются по полю, изображая войну. Другими словами, в организации праздников отчётливо прослеживается тенденция на превращение эстетического пространства общенационального празднования в карнавальное шоу. Казалось бы, это вполне в духе времени:

¹ Пилипенко В. Монументальная любовь. «Деловое Поволжье». 2008 (июнь). № 22, стр. 3.

забавно и развлекает молодёжь. Однако здесь не учитывается то обстоятельство, что историческая память горожан, всё ещё хорошо помнящих войну (в том числе – детей и внуков, воевавших под Сталинградом), входит в противоречие с мифологической памятью, которая формируется с помощью костюмированных спектаклей. Последний вид памяти активно используется в рекламных технологиях, которые переносятся в политическую сферу¹. Но исследования последнего времени показывают, что горожане (особенно в мегаполисах) научились отличать рекламный имидж от действительного образа исторической памяти. Интересно, что речь в данном случае идёт не только об относительно образованном человеке, но и о простом российском обывателе. Учёные обнаружили, что отечественная культура и образование смогли дать людям критерии для такого различения. Так, в частности, именно это обусловило очень быстрый рост недоверия людей к манипулятивным политическим технологиям, применяемым в 1990-е годы прошлого века².
Нынешняя культурная региональная политика должна, и может соответствовать современным знаниям в области формирования такой социальной памяти, которая не разрушала бы основы общественной нравственности.

¹ Почепцов Г. Г. Имиджеология: теория и практика. Киев, «Изд-во СП «АДЕФ-Украина», 1998, стр. 84 - 135.

² Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002, стр. 809-811.